

УДК 338(575.2) (04)

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕГРАЦИОННЫХ МОДЕЛЯХ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

А.А. Клинцов – соискатель

На основе ретроспективного анализа и использования новых архивных материалов предлагается ряд перспективных интеграционных моделей для постсоветского пространства Центральной Азии.

Ключевые слова: интеграционные модели; постсоветское пространство; Центральная Азия.

Известно, что Российская Империя была унитарным государством: “единой и неделимой”. Вместе с тем, на наш взгляд, как многонациональное политическое образование, население которого было также и поликонфессиональным, а значит, весьма разнообразным в духовно-культурном отношении, оно уже тогда содержало истоки будущего федерализма. Что позволяет нам так утверждать? Суть проблемы заключается в том, что очень многие территории России управлялись на основании специальных правительственных “положений”, отражавших всю многостороннюю специфику жизни их коренного населения [1: 394–417; 2: 417–433; 3; 4: 464–473; 5: 948–960]. Преимущественно, такие “положения” действовали на территориях, которые было принято называть “национальными окраинами”. Несколько подобного рода законодательных установлений действовало на Русском Кавказе (был еще и Турецкий Кавказ. – А.К.). Естественно, что с вхождением Казахстана в состав России для него тоже были изданы соответствующие “положения”, причем в XIX в. их насчитывалось четыре [6; 7]. В 1860 г. к России была присоединена Средняя Азия, кроме Бухарского и Хивинского ханств, считавшихся царскими протекторатами, но сохранившими полную самостоятельность в своем внутреннем управлении. Для российских территорий региона, называвшихся “Русским Туркестаном”, но до 1898 г. не представлявших единого административно-территориального образования, было также издано несколько специальных правительственных “положений” об управлении ими [8: 880; 9: 333–339; 10: 318–344; 11: 70–75]. При этом следует отметить, что Туркестанский край (генерал-губернаторство) как главная российская административно-территориальная “единица” в Средней Азии в течение почти

двух десятилетий (1867–1886 гг.) управлялся на основании проекта “Временного Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях” 1867 г., который не получил законодательного утверждения, но был введен в действие по личному распоряжению императора Александра II [12]. Несмотря на отсутствие законодательного статуса, этот документ сыграл большую роль в становлении и развитии системы так называемого “военно-административного” управления в Туркестанском крае, суть которого заключалась в том, что регион находился в подчинении не “полицейского” министерства (МВД), а военного [13: 271–277].

Все вышеназванные нами правительственные “положения”, по сути, являлись своеобразными “конституциями” в своих регионах, устанавливая правовые рамки, за которыми общегосударственное законодательство могло действовать только в отношении “пришлого” (русского и русскоязычного) населения, но не коренного. Таким образом, царская бюрократия, возможно, сама того не зная, очень эффективно использовала в практике управления “национальными окраинами” такие категории диалектики, как общее, единичное и особенное и готовила достаточно благоприятную почву для последующей федерализации России. Мы полагаем, что без такой ее прелиминарной деятельности строительство Советской Федерации на пространствах бывшей Российской Империи было бы очень затруднительным, если вообще невозможным, поскольку коренные этносы “национальных окраин” были еще в царские времена подготовлены для жизни в своих исторических ареалах расселения по законодательно оформленным, применительно к ним, традициям, обычаям, нравам и т.п. Но самое главное, на наш взгляд, состояло в том, что народы таких “окраин” привыкали к совместной

жизни в рамках единого государства, единого национального рынка как системы разнообразных торгово-экономических связей, общего духовно-культурного пространства и т.д. Примечательно, что даже буржуазно-националистические партии в Русском Туркестане в своих программных документах не ставили целью выход из России и создание самостоятельных государств – они всего лишь требовали “скромной” автономии [14]. Что касается большинства мусульманского населения указанного региона, то оно не требовало и этого. Именно поэтому победа большевистского режима в Туркестане была менее затруднительной, нежели в других местах бывшей царской империи. И советская власть установилась достаточно мирно не только на тех территориях Средней Азии, которые входили ранее непосредственно в состав этой империи, но также и в Бухарском и Хивинском ханствах, хотя в последнем вылазки “басмачей” Джунаид-хана, не поддержанные большинством простого населения, продолжались до 1924 г.

В 20-х гг. советская власть провела так называемое “национально-государственное размежевание” в Средней Азии. Крупные коренные этносы региона впервые получили свою государственность, пусть даже и в рамках Союза ССР. По этому поводу сегодня в государствах Центральной Азии националистически ориентированная историография, политология, социология и т.п. прибегают к различным спекуляциям, пытаясь доказать, что коренные этносы региона уже имели свою, причем “великую” государственность. Ограниченные рамки статьи не позволяют дать соответствующий критический отпор подобного рода поползновениям. Но можно считать аксиомой то, что даже за два века до прихода России в Среднюю Азию здесь не было ни одного национального государства: ни Казахстана, ни Узбекистана, ни Кыргызстана, ни Туркмении и Таджикистана. Некоторые узбекские “историки” в постсоветский период пытались причислить к “национальным” государствам среднеазиатские ханства: Бухарское, Кокандское и Хивинское на том основании, что в советской историографии сталинских времен их именовали “узбекскими ханствами”. Но их называли так лишь по факту правления в них узбекских династий. Вряд ли Испанию можно считать “французской” только потому, что в ней сейчас правит династия Бурбонов. Даже по формальному признаку (статониму) ни одно из среднеазиатских ханств не было “национальным” государством; тем более, что в действительности

все они имели многонациональное население. Поэтому большинство трезвомыслящих ученых в странах современной Центральной Азии признают факт получения своей национальной государственности из “рук” большевиков, причем она часто ассоциируется (особенно, в среде простого народа) с именем Ленина. Кыргызстанский политолог Мусуркул Кабылбеков, радикальный патриот-националист, которого трудно упрекнуть в русофильстве, честно признавал в одном из интервью, что “если бы не Ленин, кыргызы вообще могли бы исчезнуть как этнос – их было всего 800 тысяч” [15]. Мы можем утверждать, что в признании того, что страны и народы Центральной Азии получили национальную государственность в годы советской власти, в принципе, едино большинство историков и политологов региона. Таджикский исследователь З.М. Мадамиджанова признает, что до прихода России “Средняя Азия никогда не была единой политической общностью” [16: 248]. Однако по вопросу о характере “размежевания” и его последствиях среди ученых современной Центральной Азии единства не было, нет и, видимо, еще долго не будет. З.М. Мадамиджанова пишет о том, что в литературе часто отмечается непродуманность территориального устройства новых государственных образований, приводятся примеры произвольного определения их границ, игнорирование исторической преемственности при разделе территорий [16: 248]. Ее позиция понятна – она вдохновляется идеей таджикского академика Р.М. Масова, который большевистское “национально-государственное размежевание” в Средней Азии иначе, как “топорным” не называет [17]. Однако его идеи разделяют и национальные историки других стран региона, причем, естественно, с “собственным” уклоном. Советским “размежеванием” в Средней Азии недовольны и в Узбекистане, и в Казахстане, и в Туркмении. Пожалуй, лишь современная кыргызстанская историческая наука занимает в этом вопросе наиболее трезвую, взвешенную позицию, зато “одноименная” политология нередко тоже выказывает недовольство “большевистским переделом”. Следует, однако, признать, что в целом фактически все государства Центральной Азии недовольны существующими ныне границами, проведенными в свое время советскими “делIMITаторами” и “демаркаторами”. Взаимных территориальных претензий друг к другу у них так много, что в рамках одной статьи все их трудно перечислить [18: 174]. Каждому они кажутся обоснованными. Например,

Казахстан недоволен тем, что около миллиона казахов остались на территории Узбекистана. В свою очередь, Узбекистан недоволен тем, что не меньшее количество узбеков чувствуют себя “сиротами” на казахстанской территории. И примеров такого рода недовольства можно привести множество.

Недовольство “национально-государственным” разделением советской Средней Азии напоминают нам подобные чувства, возникающие у людей при разделе наследства – каждому кажется, что его обделили. Сегодня среди некоторых центральноазиатских историков и политологов при интерпретации о “коварном” замысле “русских” большевиков, желавших таким разделением, по принципу “разделяй и властвуй”, посеять рознь и этнические междоусобицы между народами Средней Азии, веками жившими в атмосфере истинной любви, братства, дружбы и добрососедства. Отнюдь. История региона до прихода в него России изобилует примерами фактически перманентной борьбы не только между этносами, но и внутри них самих. Причиной постоянных усобиц были земли, пастбища, вода и т.д. Только установление твердой власти в Русском Туркестане свело их на нет, хотя иногда рецидивы такого рода имели место. Но зато в Бухарском и Хивинском ханствах они продолжались практически до победы здесь советской власти. Но дело даже не в этом.

Возникает закономерный вопрос: если советское “национально-государственное размежевание” имело такой “коварный” замысел, то тогда почему народы всех среднеазиатских республик СССР в течение, как минимум, семи десятилетий свободно передвигались по региону, не обращая внимания на то, какие границы между ними? Часто о том, где проходили границы между республиками в Средней Азии знали только административные органы, что напоминает нам сегодняшнее знание россиян о границах своих областей, которые никак не влияют на свободу их передвижения по стране с теми или иными целями. В ряде мест границы проходили прямо по населенным пунктам, например, в Чалдоваре – на кыргызско-казахстанских рубежах. Но это ни у кого не вызывало никаких серьезных проблем, кроме, скажем, прописки, пенсионного обеспечения и прочих формальностей. Кстати, это имело место и на других межреспубликанских границах в СССР и тоже не причиняло никому особенных хлопот. Целые поколения в Средней Азии жили и умирали, не зная где же все-таки точно проходят линии границ их респу-

блики с соседними. Пожалуй, только население приграничных районов имело об этом представление, не отягощавшее его, однако, серьезными трудностями. Зато нынешние поколения в полной мере испытали на себе, что такое государственная граница, таможня и т.п. Но сущность “пограничной” проблемы в современной Центральной Азии мы усматриваем не в этом. Нынешние границы в регионе действительно разделили людей, способствовали росту националистических и иных негативных настроений, породили вражду между народами Центральной Азии, имеющую место в виде приграничных конфликтов, доходящих иногда до кровопролития. И, к сожалению, фактов такого рода с каждым годом не становится меньше.

Мы полагаем, что реализация принципов советского федерализма, в частности, национально-государственное разделение в тогдашних Средней Азии и Казахстане (сегодня именуемых “Центральной Азией”) не несло в себе никаких “коварных” намерений. Вряд ли правящий коммунистический режим был заинтересован в межэтнических конфликтах, т.е. в дестабилизации положения в таком важном во всех отношениях регионе, как Советский Туркестан. Безусловно, разделение, на наш взгляд, было проведено без строгого и повсеместного учета расселения тех или иных этнических групп в Средней Азии и Казахстане. Но вот вопрос: а насколько национально-государственное размежевание в Центральной Азии отвечало бы действительным общегосударственным (экономическим, политическим, социальным и проч.) интересам СССР, если бы оно было проведено исключительно по “этническому” признаку? И как вообще его можно было бы реализовать, учитывая специфику исторической географии (в ее научном понимании) региона? И это, кстати, еще не все вопросы, которые возникают при осмыслении советского национально-государственного размежевания в таковом. Конечно, сегодня представители этносов, оказавшиеся за рубежами своего национального государства, чувствуют себя обиженными на “чужбине”. Но почему? А потому, что в каждом из нынешних государств перманентно нарастает этнонационализм. С.С. Иманова писала по этому поводу: “Этнополитическая ситуация в государствах Центральноазиатского региона, сложившаяся после провозглашения независимости, характеризовалась политизацией этнического фактора, обострением политической борьбы и поляризацией населения по национальному признаку. Создание

“национального” государства стало видаться как гарантия от реальных угроз иноэтнического или просто чужого доминирования над физической или культурной средой обитания” [19: 82]. Несомненно, таджикско-узбекский конфликт (особенно по Самарканду) имел место и в годы советской власти, но он носил латентный характер, образно говоря, “тлел”. Но какой характер он носит сегодня? В советское время Ташкент – столица республики – не мог расти в том направлении, где проходила казахско-узбекская граница. Мы знаем, что это многим не нравилось, но порождало ли это обстоятельство серьезный межэтнический конфликт? Даже в “горбачевскую” эпоху? Вот почему, не отрицая всех негативов национально-государственного размежевания в Центральной Азии советского времени, мы, тем не менее, хотели бы подчеркнуть, что по нашему убеждению, оно проводилось при доминанте общегосударственных (общесоюзных) интересов. В таком случае диалектическая категория “общего” подавила категории “единичного” и “особенного”. И это предопределило будущую конфликтность ситуации в Центральной Азии, поскольку диалектика развития требует равенства и синхронности во взаимодействии указанных выше категорий. Рефлексией такой конфликтности сегодня являются территориальные споры, этнические, религиозные и другие противоречия. Можно согласиться с прогнозами американской разведки, которая в 2005 г. пророчествовала: “Государства Средней Азии слабы и имеют значительный потенциал для религиозных и этнических конфликтов, которые могут вспыхнуть в ближайшие пятнадцать лет. Религиозные и этнические движения могут дестабилизировать весь этот регион” [20: 395]. В условиях обостряющегося ныне всемирного финансово-экономического кризиса степень конфликтности ситуации в Центральной Азии будет только нарастать. Мы полагаем, что ее причинами будут даже не огрехи некогда ошибочно проведенного советского национально-государственного размежевания в Средней Азии и Казахстане, а постоянно ухудшающееся материальное положение подавляющего большинства населения стран региона, вызванное отсутствием ясной экономической, политической, социальной и иной стратегии у властных элит. Естественно, что пауперизация населения Центральной Азии имеет самое опосредованное отношение к советскому национально-государственному строительству, но зато его “ошибки” могут служить выгодным идеологическим и пропагандистским обоснова-

нием массового обнищания народа для нынешних властей государств региона. Это первое.

Второе. При объективном, беспристрастном и грамотном анализе советского национально-государственного размежевания в Центральной Азии оно, безусловно, не выглядит идеальным, но и “топорным” его тоже назвать нельзя. Академик Р.М. Масов, так его назвавший, видимо, или излишне эмоциональный человек, или слабо разбирающийся в сути дела. Если бы размежевание было “топорным”, то нынешние границы государств региона не имели бы столь любопытной конфигурации. А она, очевидно, свидетельствует о том, что этнический фактор при делимитации и демаркации этих границ все же учитывался, причем в немалой мере, хотя, к сожалению, и не полной.

Третье. Мы убеждены в том, что пограничные проблемы выступают в рассматриваемом нами регионе как катализаторы тех судьбоносных проблем, которые он сегодня переживает. Политолог Т. Исмагамбетов писал по этому поводу: “Геополитическую целостность Центральной Азии разрывают такие проблемы, как распределение водных ресурсов, снабжение газом, миграция. Они усложняют и накладываются на злободневные вопросы делимитации, возникающие по мере прежних административных границ между союзными республиками в государственные рубежи новых независимых стран” (курсив наш. – А.К.) [21: 8]. Кстати, он отмечал, что разрушение единого советского федеративного “географического пространства Средней Азии привело к межгосударственным и межэтническим противоречиям, росту напряженности между государствами, что вызвано перераспределением земли и водных ресурсов” [21: 11]. Что из этого следует? Если бы советский федерализм, пусть даже и ущербный, “топорный” и т.д. остался в Центральной Азии, то не было бы и межгосударственных, и межэтнических противоречий между республиками региона. И этот наш вывод вряд ли кто сможет убедительно опровергнуть.

Для нас представляется любопытным то, что в постсоветский период повсеместно каждый человек, желающий показаться “продвинутым”, передовым, прогрессивным и т.п., много говорил о западном образе жизни, демократии, правах человека и ином подобном. Понятно, что это было характерно для стран Центральной Азии. Тем, кто выезжал за рубеж, особенно нравилась свобода передвижения по Европе – отсутствие границ, таможен и прочих рудиментов прошло-

го. Но разве такого (если не большего) не было в СССР, в том числе и в Центральной Азии? И разве тогда мы не имели того, чем сегодня гордится Европа, причем в еще большей мере? Воистину: что имеем не храним, а потерявши – плачем... Но, как бы там ни было, сегодня уже начинает пробивать час истины. С достаточной очевидностью выясняется, что разрушение советского федерализма привело в Центральной Азии только к негативным результатам. Фактически все государства региона, получившие независимость, не сумели использовать ее для всестороннего роста своего могущества и во благо населению. Более того, независимая государственность, при внешнем торжестве в странах Центральной Азии авторитаризма, повсеместно ослабла. Немецкий политолог Райнхард Крумм писал о том, что все президенты региона “с момента обретения своими странами независимости пытаются совместить несовместимое – западную модель демократии с системой правления, обеспечивающей правящим президентам практически бесконтрольную власть. При этом структуры государственной власти продолжают оставаться слабыми” (выд. нами – А.К.) [22: 456]. Думается, что векторы имеющегося на сегодняшний день статус-кво в Центральной Азии сохранятся здесь надолго и в обозримом будущем. Но кое-кто сегодня начинает рекомендовать свои рецепты улучшения положения. Многие видят пути совершенствования государственности стран Центральной Азии в возрождении федерализма и автономизации регионов. Так, например, политолог Шохрат Кадыров, проживающий в Норвегии, предлагает государствам региона вариант норвежского “недекларированного федерализма”. При этом он пишет, что таковой “не сводится к расширению местного самоуправления. Он требует большего – передачи в регионы части функций центральной власти, внедрения системы выборных органов на основе пропорционального представительства, свободы местного законодательства по принципу субсидиарности (центр не берет на себя то, что регионы могут сделать сами, свободы развития местных культур” [23: 229]. Со схожей идеей выступил бывший секретарь Совета безопасности Кыргызской Республики Мирослав Ниязов. В интервью популярной в Кыргызстане газете “Дело №...”, в сентябре 2007 г. он подчеркивал, что “децентрализация власти – вот реформа, которую надо проводить в первую очередь. И тогда вопрос, какой быть Кыргызстану республикой – президентской или парламентской – станет уже не

принципиальным” [24]. В то же время бывший премьер-министр Кыргызской Республики Феликс Кулов выдвинул идею создания конфедерации Кыргызстана с Россией. “Патриотическая” пресса тут же заявила о том, что идею Кулова решительно отверг не только весь народ Кыргызстана, но и многие его сторонники. Между тем, даже на основании опросов мигрантов из стран Центральной Азии (в том числе и Кыргызстана), работающих в России, можно судить о том, что большинство из них не только не против союза с Россией, но и мечтают о возрождении советской федерации с ее стабильностью, справедливыми социальными порядками, отсутствием ксенофобии, но главное – относительным материальным достатком и равенством большинства людей. Но идея “конфедерации” оказалась живучей, причем антироссийски ориентированной. Кыргызский публицист Замир Осоров писал в сентябре 2007 г. о том, что многие кыргызы с интересом говорят о конфедеративном союзе с Казахстаном, а некоторые – даже с Узбекистаном [25]. Откровенно говоря, у нас такие сообщения вызывают немалые сомнения. С любопытным “конфедеративным” планом выступила образованная в июне 2007 г. Ассоциация политологов Кыргызстана. Она предложила разделить унитарный Кыргызстан на два района – Южный и Северный, но со своими структурами управления, финансами, экономикой и т.п. Таким образом, идеи “федерализма” в государствах Центральной Азии продолжают жить, а значит, и известные перспективы у них тоже должны быть. Но у нас есть серьезные сомнения по части их реализации.

Естественно, что наиболее трезвомыслящие политики и ученые государств Центральной Азии пытаются найти и другие выходы из сложившейся в регионе ситуации. На внутрорегиональное сотрудничество сегодня надежд мало, поскольку почти за два десятилетия оно не дало ощутимых и обнадеживающих результатов. Внешнеполитические прозападные (и проамериканские, особенно) ориентации и связи, на которые было так много надежд у лидеров стран региона, тоже не привели ни к каким реальным сдвигам в экономике. США и Западная Европа отделялись от правящих элит Центральной Азии финансовыми подачками, которые так же легко исчезали, как и приходили. Жизнь народа от них никак не улучшилась. Дальше может быть только хуже, поскольку и США, и страны Западной Европы как “пионеры” капитализма сегодня оказались в трясине тяжелого и едва ли не апокалиптического кризиса. Им теперь надо помогать

самим себе, а не другим. Таким образом, наиболее оптимистичным для государств Центральной Азии остается лишь вариант – восстановление единого экономического пространства, сложившегося как во времена царской России, так и в советские. И только на такой почве перспективы федерализма в Центральной Азии смогут стать оптимистичными и обнадеживающими.

Литература

1. Высочайше утвержденный Устав об управлении инородцев от 22 июля 1822 г. // ПСЗРИ. Собр. 1-е. – Т. 38. 1822–1823. – СПб., 1830. – №29126.
2. Высочайше утвержденный Устав о Сибирских Киргизах от 22 июля 1822 г. // ПСЗРИ. Собр. 1-е. – Т. 38. 1822–1823. – СПб., 1830. – №29127.
3. Высочайше утвержденное Положение об управлении калмыцким народом. – СПб., 1847.
4. Высочайше утвержденные Правила об особом управлении Башкирами от 14 мая 1863 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. – Т. 38. – №39623.
5. Высочайше утвержденное Временное Положение об управлении Квантунской областью от 16 августа 1899 г. // ПСЗРИ. Собр. 3-е. – Т. 19. Отд. 1– СПб., 1902. – №17513.
6. Высочайше утвержденное Временное Положение об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях от 21 октября 1868 года // ПСЗРИ. Собр. 2-е. – Т. 43. Отд. 1.– СПб., 1870. – №46380.
7. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета. Положение об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областями от 25 марта 1891 года. // ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 11. Отд. 1– СПб., 1893. – №7574.
8. Высочайше утвержденное Временное Положение об управлении Туркестанской областью от 6 августа 1865 г. // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 40. Отд. 1. – №43372. – СПб., 1867.
9. Высочайше утвержденное Временное Положение об управлении в Закаспийском отделе от 9 марта 1874 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 49. Отд. 1.– СПб., 1876. – №53233.
10. Высочайше утвержденное Положение об управлении Туркестанским краем от 12 июня 1886 года // ПСЗРИ, Собр. 3. Т. 6. Отд. 1.– СПб., 1888. – №3814.
11. Высочайше утвержденное Временное Положение об управлении Закаспийской областью от 6 февраля 1890 г. // ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 10. Отд. 1.– СПб., 1893. – №6576.
12. Проект Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях. – СПб., 1867.
13. Литвинов П.П. Военно-бюрократическое управление в России XIX – начала XX вв. (по материалам Русского Туркестана) // Бюрократия и бюрократы в России в XIX и XX веках: общее и особенное: Материалы XII Всероссийской научно-теоретической конференции. Москва. 29–30 мая 2008 г. – М.: РУДН, 2008.
14. Программные документы мусульманских политических партий 1917–1920 гг. – Оксфорд, 1985.
15. Орлова Т. Открыть другие горизонты // МСН. – 2006. – 28 февраля. – №21.
16. Мадамиджанова З.М. Этнокультурный взгляд на наследие таджиков // Центральная Азия: собственный взгляд: Сб. статей. – Бишкек, 2006.
17. Масов Р.М. История топорного разделения. – Душанбе, 1991.
18. Маслов В.И. Региональная безопасность. История и проблемы новых независимых государств Центральной Азии. – М.: Бишкек, 2000.
19. Иманова С.С. Этнонационализм: история и реальность. – Бишкек, 2001.
20. Доклад Национального разведывательного совета США “Контурсы мирового будущего” // Кыргызстан – 2025. Стратегия и сценарии развития: Сб. статей и материалов. – Бишкек, 2005.
21. Исмагамбетов Т. Структурирование нового геополитического пространства Центральной Азии: региональные особенности и перспективы // Центральная Азия и Кавказ. Журнал социально-политических исследований. – 2002. – №2 (20).
22. Крумм Р. Центральная Азия: стабильность любой ценой. (Аналитический отчет фонда им. Ф. Эберта) // Центральная Азия: собственный взгляд: Сб.статей. – Бишкек, 2006.
23. Кадыров Ш. Политические технологии в советской и постсоветской Центральной Азии // Вестник Евразии. – 2005. – №4(30).
24. Ночевкин В. Губернаторы должны стать маленькими президентами, или о том, какие лозунги может выдвинуть новая волна оппозиции // Дело №... Общественно-правовая еженедельная газета. – 2007. – 12 сентября.
25. Осоров З. Конфедеративный трайбализм // МСН. Общенациональная газета. – 2007. – 21 сентября.